

СТРУКТУРА ЯЗЫКА И ИДЕОЛОГИЯ: РОМАНСКИЕ ЗАМЕТКИ

И.И. Чельшева

Институт языкознания РАН
chelirin@gmail.com

Среди научных направлений, успешно разрабатываемых Андреем Александровичем Кибриком, весомую долю составляют исследования типологического плана и работы по ареальной лингвистике, что подтверждает и многолетняя деятельность юбиляра в качестве главного редактора энциклопедии «Языки мира». С другой стороны, А.А. Кибрик много занимается проблемами языковой политики, где идеологические обоснования нередко играют ведущую роль. В нашей статье мы бы хотели объединить эти области, представив некоторые, довольно любопытные, на наш взгляд, факты и ситуации романоязычного мира, когда, казалось бы, вполне объективные описания языковых структур, оказываются, по афористичному определению Х. Гебла, «между наукой и политикой» (Goebel 1984: 207). Наши заметки не претендуют на обобщение, а полнота и последовательность изложения, в какой-то степени, принесены в жертву краткости и занимательности.

Начнем с того, что романские языки несколько обойдены вниманием типологов. Причина тому, во-первых, в некоторой предвзятости исследователей, полагающих, что в европейских, хорошо изученных и хорошо документированных языках, в отличие от языков экзотических, мало интересного. Во-вторых, в этом есть и вина романистов, которые склонны подменять типологическое сопоставление языковых структур типологией переходов от латыни к романским языкам, что традиционно именуется «сравнительная грамматика романских языков». Однако следует признать, что осознание этих проблем присутствует и пути их преодоления намечены. Ограничимся ироническим, но, по сути, верным замечанием П. Свиггера о сравнительной грамматике романских языков: «в эпоху, когда эта традиционная дисциплина рискует остаться не востребовавшей, возможно, удастся вдохнуть новую жизнь в этого почтенного старца, сочетав его с молодой, еще очень привлекательной, дамой типологией» (Swiggers 2009: 256). Жизнеспособность подобного союза подтверждается появлением среди романистических работ XXI в. ряда основоположных трудов, ориентированных на типологическое описание.

Поиск интересных с точки зрения лингвистической типологии языковых фактов в романских идиомах вполне предсказуемо привлекает внимание к миноритарным языкам, к относительно малоизученным диалектам и говорам, где и обнаруживаются разнообразные языковые «экзотизмы». Перечислим некоторые для примера: категория вида в истрорумынском, заимствованная из славянских языков: *durmi* ‘спать — *zadurmi* ‘заснуть’, *taglia* ‘резать’ — *potaglia* ‘порезать’; супплетивные формы числа имен в диалектах Италии: ед. ч. *asunu* ‘осел’ — мн. ч. *asini* (Лацио), ед. ч. *ùorthə* ‘земельный участок’ — мн. ч. *òrtəra* (Калабрия), ед. ч. *cocla* ‘раковина’ — мн. ч. *cocul* (Болонья); сокращение сферы использования инфинитива в Южной Италии и в балкано-романских идиомах; чередование двух вспомогательных глаголов в одной парадигме в южных диалектах Италии: вспомогательный глагол «иметь» используется в 3-м лице ед. ч. и мн. ч., а «быть» в остальных лицах: в работе Loporcao 2003 это чередование представлено для абруццского диалекта как *a/au škrit* ‘он/они написали’, но *so/ši/semo/sete škritu* ‘я/ты/мы/вы написали’ (Loporcao 2003: 141). Это перечисление может быть разнообразно продолжено для разных языковых уровней.

Описание и классификация языковых структур романских идиомов достигло к XXI в. впечатляющей полноты и глубины. В результате в ряде случаев стали очевидны структурные отличия и прибавились аргументы для классификации того или иного идиома как отдельного языка. При этом любая классификация, естественно, не свободна от идеологических установок, давления культурно-исторических и политических обстоятельств. Структурные характеристики не просто описываются, а выбираются, выбранные же закрепляются нормативно. Например, галисийский считается единственным романским языком, где отсутствуют сложные времена. Реально же в речи галисийцев, причем тех, кто этот язык преподавал, мы отмечали, особенно за пределами учебных аудиторий, использование и сложного перфекта, и сложных форм условного наклонения в тех же контекстах, где эти формы используются в испанском. Нормативная грамматика галисийского рассматривает сложные формы как глагольные перифразы с модальным значением, именно так оправдывали их использование сами говорящие. Но складывалось впечатление, что лишение галисийских сложных глагольных форм статуса временных во многом было определено желанием грамматистов придать галисийскому уникальную на общероманском фоне структурную характеристику.

Долгое время единственной моноязычной романской страной считалась Португалия. Этому никак не мешал факт функционирования на северо-востоке Португалии астуру-леонских говоров, основной ареал которых находится в соседней Испании. Описание этих говоров, распространенных на территории, именуемой *Terra de Miranda*, было сделано выдающимся португаль-

ским лингвистом Ж. Лейте де Вашконселушем еще в конце XIX в., и структурная специфика этого ареала была хорошо известна. Но с 1999 г. Португалия обрела свой миноритарный язык — *mirandés* ‘мирандский’ получил статус официального языка. В немалой степени этому способствовало желание вписаться в европейский мейнстрим и обрести, «как все», собственный миноритарный язык. Добавим к этому определенный сдвиг в сознании говорящих, когда описание языковых структур лингвистами было дополнено обращением к тому, что в англоязычной исследовательской традиции именуется *perceptual dialectology* (Preston 1989) — изучением восприятия языкового разнообразия самими носителями, которое подталкивает говорящих к осознанию инаковости своей речи.

Это прослеживается и по идеологизированным установкам, которые проявляются в лингвистических работах XXI в. Например, в статье Ceolin 2002 *mirandés* вполне корректно представлен как леонский анклав на территории Португалии, но во введении автор пишет: «*como é que, então, este idioma conseguiu sobreviver à tirania das língua nacionais e majoritárias?*» ‘как получилось, что этому языку удалось пережить тиранию языков национальных и мажоритарных?’ (Ceolin 2002: 64). Таким образом, акценты в отношениях между португальским и миноритарным языком расставлены вполне определенно.

Однако, заметим, что ситуация осмысления отдельности идиома требует отделения и от расположенного за рубежом лингвистического ареала, частью которого этот идиом является. Поэтому усилия по нормативизации мирандского, в частности, введение унифицированной графики, направлены на то, чтобы отделить его и от астура-леонских говоров Испании. Для отдельных звуков мирандского была выбрана португальская, а не испанская запись: *lh*, а не *ll* для [λ], *x* для [ʃ].

Нечто подобное происходило с выбором графической системы и в Валь д’Аране (Испания). Для *aranés* — аранского, варианта гасконского на территории Каталонии, была предложена графика, опирающаяся на каталанские традиции, в отличие от графики (точнее, от нескольких графических систем), используемой в Гаскони на территории Франции.

Итак, полное, типологически обоснованное, описание языковых структур некоего идиома, как мы уже отметили, помогает противопоставить его другим языкам, но при этом, почти неизбежно, фиксируется и варьирование в рамках выделенного идиома. В результате оказывается, что для столь необходимой для миноритарных языковых образований витализации, а часто и ревитализации, эту вариативность необходимо редуцировать и свести языковую идентификацию носителей в нечто единое. Обособленность ареала в этом случае очень помогает; корсиканцы и сардинцы воспринимают свое единство благодаря тому, что Корсика и Сардиния — это острова. Но даже

островной характер ареала (итал. *insularità*, франц. *insularité*) не решает проблему, так как в лингвистическом плане и корсиканский, и сардинский ареалы очень неоднородны. В результате возникают дискуссии по поводу нерешаемой в принципе проблемы: какие структурные характеристики считать «истинно сардинскими» или «истинно корсиканскими».

Для объединения говоров Корсики была предложена идея *langue polynomique* ‘полиномного, многосущностного языка’. По определению Ж.-Б. Марселлези, единство такого языка абстрактно, вычленение единой нормы не происходит, но присутствует желание говорящих дать этому языку одно, обобщающее, наименование и отделить его от других признанных языков (Marcellesi 1984: 314). Интересно, что, говоря о вычленении единой нормы, Марселлези употребляет термин «*ossification de la norme*» ‘оссификация, окостенение нормы’, что ясно указывает на неприятие такого выбора. Эта точка зрения весьма популярна в приложении к корсиканскому. Такой подход нашел свое выражение и на практике: есть учебники корсиканского, где начальный курс представлен на северном варианте корсиканского, а продолжение — на южном. Отметим, на нашем собственном опыте, что подобное решение затрудняет изучение языка, особенно для иностранцев. Но идея «полиномного языка» завоевывает и другие ареалы романского мира.

В Сардинии пошли по иному пути и предложили (пока для использования в административных документах) искусственную норму *Limba Sarda Comuna* ‘Общий Сардинский Язык’, следуя примеру ретороманского Швейцарии и ладинского в северо-восточной Италии. Предлагается выбрать единое написание, но оставить устные варианты. Например, устанавливается одна письменная форма *bespe* ‘пчела’, но в произношении остаются варианты, среди которых [εpε], [εspru], [dʒεspε], [εʃpε] и еще десяток; *ghennargiu* ‘январь’ произносится как [gɛnarju], [gɛnardzu], [bɛnaldzu], [bɛnadzu] и др. Получается, что на письме создается что-то вроде иероглифа, иногда почти не связанного с произношением.

Понятно, что эта норма многих не устраивает и продолжается поиск иных путей. В XIX и в первой половине XX в., с учетом существовавшей с XVI в. поэтической традиции на диалекте Логудоро — области, занимающей северо-западную и центральную часть острова, сформировалась идея, что именно логудорский — самый архаичный, самый «чистый», самый «сардинский» из наречий Сардинии. Даже топоним *Logudoro*, толкуемый народной этимологией как «Золотой Дворец», придавал ценность этому варианту. Но современные исследования ясно показывают, что говоры Логудоро очень неоднородны, что архаические черты сочетаются в них с инновативными (Blasco Ferrer 1986), а выбрать из перечня характеристик такие, которые однозначно приемлемы для всей Сардинии, невозможно.

Объективное (насколько это возможно), описание языковых структур может осветить условность существования идиома как отдельной единицы структурного плана. Сложно представить, как на современном этапе можно в полной мере описать как систему, например, галло — традиционное наречие франкоязычной Бретани, хотя список черт, отличных от французской нормы вполне имеет право на существование. Но галло признан как один из региональных языков Франции, а в 2004 г. Региональный Совет Бретани придал ему статус официального языка на территории распространения. Языковые активисты, ратующие за введение галло в преподавание, констатируют, что сделать это трудно: можно рассказать о особенностях этого наречия, но целостной картины не получается.

Мы ограничились лишь несколькими разрозненными примерами взаимодействия между более или менее объективным лингвистическим описанием языка и актуальными на определенный момент трактовками языковых особенностей и языковой ситуации в целом, трактовками, которые привносят идеологическое обоснование, устанавливая связь с политическими взглядами, выявляют стремления, мечты, а иногда предрассудки и заблуждения общества, использующего определенный язык. Многообразие отношений, на основании которых языковые факты размещаются «между наукой и политикой», необозримо и представляется очень интересной задачей классифицировать с точки зрения лингвиста разные аспекты этих отношений.

Литература

- Ceolin R. 2002. Um enclave leonês na paisagem unitária da língua portuguesa. *Ianua. Revista Philológica Románica*. № 3, 62–83.
- Goebel H. 1984. Sprachklassifikationen im Spannungsfeld zwischen Politik und Wissenschaft. *Das Romanische in den Ostalpen. Vorträge und Aufsätze*. Hrsg. von D. Messner. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 207–244.
- Limba Sarda Comuna. Norme linguistiche di riferimento a carattere sperimentale per la lingua scritta dell'Amministrazione regionale*. www.regionesardegna.it
- Loporcaro M. 2003. *Profilo linguistico dei dialetti italiani*. Roma: Laterza.
- Marcellesi J.-B. 1984. La définition des langues en domaine roman : les enseignements à tirer de la situation corse. *Actes du XVII Congrès de Linguistique et de Philologie Romanes*, vol. 5 (Sociolinguistique). Tübingen, Max Niemeyer verlag, 314–309.
- Preston D.R. 1989. *Perceptual Dialectology: Nonlinguists Views of Areal Linguistics*. Berlin, New York: De Gruyter — Mouton.
- Swiggers P. 2009. Grammaire comparée des langue romanes et la typologie linguistique. *La romanistique dans tous ses états*. Paris : Hartmann, 255–271.